

Анар Азимoff

Записки из **книги лиц**

Log in

Анар Азимов

Записки из Книги Лиц

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111019

Аннотация

«Записки из Книги Лиц» – так называется очередная книга писателя, востоковеда, игрока в «Что? Где? Когда?» Анара Азимова.

Название популярнейшего социального ресурса обыгрывается не случайно: «Книга лиц» составлена из получивших активный читательский отклик авторских заметок в Facebook, дизайн книги также отсылает к узнаваемой символике и тематике сайта. Но по сути это своеобразный «римейк» относительно ранних прозаических и стихотворных текстов Анара Азимова, отредактированных и как бы заново «аранжированных».

Тематика сборника достаточно разнопланова, но почти через всю книгу красной нитью проходят узнаваемые образы Города.

<http://news.day.az/society/299080.html>

Содержание

...Прилетели, или объективное бессилие кисти	7
Начало документального фильма о несостоявшемся рок-концерте	8
Городское	10
Рок-концерт, который все-таки состоялся	11
All this club – 2	13
Четвертое измерение	14
Заклинание	15
Памятные впечатления	17
Джаз	18
All this club	19
Грузовик	20
In memoriam	21
Пробуждение	22
Разворот	23
Пауза	24
Море в городе	25
История одного	26
Немного об электричестве и архитектуре	27
Небоскреб	28
Еще одно камерное впечатление	29
Ветреный закат	30
Перемена декораций	31

Мыльница&photoshop	32
НОЧЬ	33
ПРАХ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анар Азимов

Записки из Книги Лиц

©Anar Azimov 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Ан Ву

Ты сидишь на берегу реки и думаешь о чем-то своем. Мимо каждую секунду проплывают кусочки чужих жизней, чужих впечатлений: фотографии и слова, слова, слова. Иногда ты бросаешь взгляд на воду и выуживаешь чье-то впечатление, показавшееся тебе занятым, быть может, пропустив десятки других, гораздо более интересных – а быть может, и нет. Но нельзя войти в один и тот же Facebook дважды.

Большая часть этой книги уже выходила в 2004 году, в сборнике под названием «Тексты», уже ставшем библиографической редкостью:), и, двумя годами позже, в сборнике «Просто стихи», который постигла та же судьба:)

Спонтанные публикации в Notes «из старого» трансформировались в своеобразный ремикс: формат Книги-Лица-точка-ком кое-где продиктовал несколько новых строчек, а кое-где заставил нажать delete. Вот он я, плывЕМ по реке, видите?

Но я точно знал, как начну книгу. «Макондо уже превратилось в могучий смерч из пыли и мусора, вращаемый яростью библейского урагана, когда Аурелиано... начал расшифровывать стихи, относящиеся к нему самому, предсказывая себе свою судьбу, так, словно глядел в говорящее зеркало. Он перескочил через несколько страниц, стараясь забежать вперед и выяснить дату и обстоятельства своей смерти. Но, еще не дойдя до последнего стиха, понял, что ему уже не выйти из этой комнаты, ибо, согласно пророчеству пергаментов... город будет сметен с лица земли ураганом и стерт из памяти людей в то самое мгновение, когда Аурелиано Бабилонья кончит расшифровывать пергаменты...» (Габриэль Гарсиа Маркес, «Сто лет одиночества»).

...Прилетели, или объективное бессилие кисти

Стоя на холме, город пишет автопортрет. Тяготеет к гиперреализму, но срывается в модную эклектику. Облака – акварелью, море – маслом, дома – цветными карандашами. И вдруг – грачи. Хотя нет, не грачи, но какая, впрочем, разница, все равно март месяц. Фигурный пилотаж множества черных силуэтов словно передает чье-то закодированное послание. Частые взмахи крыльев превращают плюс в минус. Только что были здесь, а уже почти над бульваром – неужели город так мал? А может, дело лишь в размерах холста?

Начало документального фильма о несостоявшемся рок-концерте

Темнота проясняется: амфитеатр города, амфитеатр зала спиною к нему. Они никогда не встретятся. Они параллельны, хотя так нельзя говорить о кривых. Пол – твердокафельная плитка, какой туземцы любят покрывать веранды на дачах. На такой больно падать, если сверху не покрыть матом. Ругающаяся голова крупным планом. Директор дома культуры. Столь крупным, что нос тянется в объектив, кустики волос где-то далеко, вперемешку с кустами сирени. Голова требует план съемки. Но, вдруг осознав что-то (интересно, что?), сникает, отодвигается, поворачивается в сторону и уходит в неведомое, открыв план задний: сцену с одиноким и обкуренным ударником барабанного труда. Кстати, о сирени: зал летний. Еще лето, но уже бабье. Будут девушки-фанатки. Девушки музыкантов. Музыканты-девушки – значительно меньше. Он, оказывается, только сидел за бочкой, а так он, кажется, бас-гитарист. А может, и нет: перестал мучить четыре струны и ушел влево. Сцена опять пуста. Я иду туда – три обшарпанные стены и козырек увеличиваются толчками, слегка покачиваясь. Вырежем кусок времени и пространства и склеим концы: комнатка за – полна музыкантов. Объектив-калейдоскоп перекладывает мозаику

лиц, рук и гитар, создавая иллюзию панорамы. Меня хлопают по спине, мозаика мгновенно складывается в рот до ушей и хмельные глаза чуть навывкате: вокалист принял для храбрости. Еще раз вырежем и склеим: море медленно отходит назад, потом вдруг быстро сжимается и замирает одним небольшим пятном, наставив перед собой дома, дома, дома.

Городское

Дождь прошел. Растут, как грибы, дома

Рок-концерт, который все-таки состоялся

Вначале – цветок, колеблемый ветром, в обшарпанном гипсе чаши с землей. Гриф с шестью колками быстро отъезжает назад, чтобы уместить в кадре свое лакированное продолжение с талией. Не тальянка. И еще профиль пары англичан, забрели случайно, от неслучайной скуки. Феличита? О чем вы, это было двадцать лет назад! Другое время, другие звуки. Другая страна. Встретились странно. Вначале цветок (он появится еще раз, скопированный неумелым монтажом, чтобы скрыть отсутствие финала), потом – гриф, удачно совпавший с мощным звуком пробуемой струны. Вокалист, водящий камеру за собой, закуривающий, сажающийся на ступени сцены, поющий в объектив, протягивающий микрофон в толпу, прыгающий, встающий на колени, снова закуривающий – от первой. Ударник – искатель разного в одном и том же. Гитарист и басист, с синхронной и частой резкостью сгибающие тело. Тела. Старик, сидящий в кресле у стены, с видом отца на школьном утреннике – или он глух, да и слеп? Бармен смотрит на футболистов в телевизоре под потолком – у них там своя толпа. Поворот на ту, что здесь, от бутылки с водой в руках гитариста, вскользь по лицам, обратно – уже пуста, смерть жажды осталась за кадром... Вперед, уже из

последнего ряда, навстречу последним аккордам и строчкам, толчками уходящие вправо и влево спины, внезапная тишь, идти далеко, спины остановились, спешный наплыв на чей-то затылок у самой сцены, и внезапно, из-за него – на сцене лицо. Микрофон не попал. Окончена песня. А вот и цветок.

All this club – 2

Сегодняшний дождь оставил следы на асфальте, их подкрасило солнце и догнавший его свет неона от кафе, ресторанов, и баров, где никогда на альте не играет никто, а играют на электричестве, ставя нейроны в положение сальто и в состояние культурного питания. Виртуозен на барабанах какой-то маэстро, без ложной нескромности ставящий целью заработать на отпуск на Крите, и ничего из разряда претензий на создание новых и сложных законов ритма и композиции.

Он, наверное, смог бы дать много поводов для диссертаций по музыке переплетенных. Но критики-музыковеды не посещают бары, где не могут брать пиво, которое дорого, и боятся собственных взглядов смятенных, увиденных в двери зеркальной туалета. Что касается прочих, они постоянно просят исполнить песню медленную и без соло, чтобы потанцевать. А включают магнитофон – и не хватает на Сочи. Установка ударная, стойка для микрофона, динамики. Скучно и голо.

Четвертое измерение

Даже толстый роман с обширной географией свободно умещается в небольшой комнате: Москва, 52-й год, поездка за город, будьте моей женой, – правый угол письменного стола, а в двух шагах, у кресла – Баку, сорок лет прошло, как ты, как дети? иду на стадион, вот он, между окном и телевизором – или это компьютер? но не все ясно в обстановке этой комнаты, воображаемой, несуществующей, но оживающей снова и снова (словно когда-то и где-то она все же была), чтобы проглотить все новые и новые толстые романы о чужой жизни огромного мира, – все очень неясно, расплывчато в комнате. Которую я так ненавижу.

Заклинание

(Попытка духовного трансовестизма)

Не люби меня дольше,
Ты, должно быть, устал,
Под любовный портал
Ничего уже больше

Ты не приноси,
Потому что мне скучно,
И в любви твоей душно,
Ты свечу погаси —

Разве каются, зная,
Что греха не простят,
И дороги не умят,
Не откроют врат рая;

И напрасно в глазах
Чуть мерцает надежда —
Промокаемые одежды
Снимет только гроза

Твоих слез и желаний,
Пусть обманчивых,

Но правдоподобных,
Без страстей и рыданий,

Раздирающих в кровь
Барабанные перепонки;
Без бумажной иконки,
Приколотой вновь

Как значок-невидимка
Для защиты невинности
От добрачной интимности
Без простынь и без снимков.

Ты же видишь: я верю,
Что храм вечной любви
Не удержится на крови,
Вытекающей из-под двери.

Памятные впечатления

Прямо перед ним – высокий дом под названием «Вид на море», закрывающий вид на море. Слева – городская двухмерность с обязательными облаками на горизонте. Справа – врезанный в плоскость объемный холм с рельефом домов и дорог. Впрочем, памятник смотрит себе под ноги: склон слишком крут.

Джаз

Задумчиво-раздумчивое вступление рояля. Первые спокойные аккорды. Хрупкий, повторяющийся хрусталь перезвона там, наверху, синхронно с тремя мерными шагами левой руки вниз.

Спотыкающийся ритм, шорох и стуки. Осторожные поддакивания баса. Мягкой ладонью шаг вперед и назад по полутонам клавиш, вперед и назад. Двойные вершины пологих трезвучий вопросительно смотрят вниз, сменяя друг друга. Словно обещание чего-то – и вот оно: барабаны внезапно перестают спотыкаться, и мощно пульсируют, и устремляется за ними бас – черные и белые в растерянности замирают на мгновение, потом отвечают нервными растопыренными аккордами в промежутках лихорадочных пауз. Разражаясь медными брызгами, нагнетает темп ударник, басист-акробат прыгает на батуте гармоний, умещающий быстрый перебор в зависание открытой струны. Наконец, очередной рояльный аккорд взрывается мягкой, переливающейся дробью правой руки – пытающейся удержать низкие звуки, но клавишами влекомой все выше – к изначальной хрустальности, которую подхватывает вдруг изменивший тональность басист, на какой-то миг продлив вертикаль дальше мыслимого предела – и музыка обрывается, не выдержав натяжения...

All this club

Слева – руки, пухло и бело лежащие рядом на белом и черном клавиатуры рояля.

В центре – обняли толстую женщину без головы, а с головкой на шее, длинной, худой.

За барабанами третий – недвижим, как тот, пианист, и другой, с контрабасом.

Никогда не услышишь, как быстро и нервно играли.

Никогда не увидишь, как быстро и нервно играли.

Ну, а ты? Ты осталась за кадром.

Впрочем, вовсе не ты, а другая – та, что никогда не могла быть тобой.

Грузовик

Лысая голова пронеслась над верхним краем забора, мелькая среди листвы.

In memoriam

Чай дымится неловкой иллюзией достоверности: седые пряди выются, имитируя испарение, с виртуальной неистощимостью появляясь из ниоткуда и в никуда исчезая – в полосе солнца, среди пылинок.

Пробуждение

В ложной памяти сна
умирали младенцы, что никогда не рождались,
в микрокосмической памяти сна
вспомнил я, что убил, отказавшись
убить,
в телескопической памяти сна
так беззвучно кричали,
так громко кричали кометы,
не по белому черные, круглые
ноты любви.

Разворот

Серое небо. Земля. Послышался шум мотора. Слева появилась машина и, шурша шинами, объезжая ухабы, медленно проехала к шоссе. Прошла минута. Вновь послышался шум мотора. Слева появилась машина и, шурша шинами, объезжая ухабы, медленно проехала к шоссе. Прошла еще минута. Вновь послышался шум мотора. Слева появилась машина и, шурша шинами, объезжая ухабы, медленно проехала к шоссе. Прошло чуть больше минуты. Вновь послышался шум мотора. Слева появилась машина и, шурша шинами, объезжая ухабы, медленно проехала к шоссе. Чуть поодаль, за густым бурьяном на той стороне, скрипнула невидимая калитка. Появился мальчик лет десяти на вид; постоял, держа руки в карманах пыльных штанов, попинал камешки и ушел обратно. Скрипнула калитка.

Пауза

Дверь, ударившись о стену, скрипящими рывками силилась начертить окружность, но замирала почти сразу. «Молния» издавала короткий глухой взвизг; он переминался разок-другой, расставлял пошире ноги и терпеливо ждал, бессмысленно поглядывая вокруг себя и время от времени задирая голову к потолку.

Море в городе

Ночью – макияж из разноцветного электричества. Днем – текучие разводы, синим по голубому. Опрокинутый очерк домов вдалеке, мягко закрашенный серым. Это – рассвет.

История одного

Было время, и огорожен, таен был сад. Стало время, и сад стал площадью, поменял пол и раскинулся прихотливо, как вода утекая к морю промеж домов.

80-й. Начало зимних каникул. Отец купил акварельные краски. Чугунное литье коробит бумагу и расплывается черным пятном. 11-й (шестьдесят девять лет прошло?). Я сканирую фото, я кликаю Corel – или это дождь за окном размыл знакомый пейзаж?

Немного об электричестве и архитектуре

Черный обрез коридора молчит ожиданием.
Арка прерывно растет на глазах, желтизной
предварив возвращение тьмы.
Десять белых минут мне осталось.

Небоскреб

Зеркальная поверхность вбирала в себя небо, облака, пролетающих птиц. Стена обрывалась внезапно и казалась театральной декорацией, за которой – ни комнат на девяноста этажах, ни лифтов, ни сотен людей в комнатах и лифтах, – а только опять небо, облака и птицы.

Еще одно камерное впечатление

Пламя пронеслось по окнам домов на той стороне бухты. Стало темно, и огромная луна уставилась на море, подсвечивая себе путь по воде. Нажатие кнопки плавно стягивает к невидимому горизонту и луну, и город, вставив сбоку стеклянно мерцающий образ компьютера у меня за спиной.

Ветреный закат

Тень от белья плясала в нереальной трехмерности реально двухмерной стены. Потом вдруг сжалась, повернулась, дернулась вверх и исчезла. Окно снова закрыли.

Перемена декораций

Театральный задник (чудо анимации: синева до горизонта, бегущие волны – все как настоящее) с каждым моим шагом по уже мокрому песку выгибается навстречу дугой – и вдруг оказывается настоящим морем. Вернее, просто соленой влагой, обступившей тебя со всех сторон, передававшей роль иной реальности – берегу: песок, очередной автобус ползет вдаль, куча тел, среди которых я со странным чувством (словно в случайном документальном кадре) вдруг узнаю тебя.

Мыльница&photoshop

Вдоль небесного края
Закручено в центр
Два дерева тянут друг к другу руки
Или обрубки, ошметки того,
Что можно назвать руками;
Я нажму пару кнопок —
И будет японский пейзаж,
И уродливый горб вдруг покажется
Изыском кисти,
И окажется девственно белой полоска,
Небольшая полоска
Кровавой зари.

НОЧЬ

Высокий сутулый фонарь посеребрил крону тополя. Черный застенчивый силуэт.

ПРАХ

На самом дне, под кучей остального сора, лежал сигарный пепел. В крошечной темноте он стлался по черной лакированной, кое-где с царапинами, чуть вогнутой поверхности. Бумажные катышки, всего семь штук, взрыхляли серые хлопья, создавая холмы и ущелья на всем этом рыхлом пространстве, черными же лакированными боками замкнутом в правильный круг. Немелко изорванная копирка случайными неровными сводами создавала тот мрак, в котором находились пепел и бумажные катышки. А на липких, со следами крупного неровного почерка кусках – опять лежал пепел; но уже другой, от слабых сигарет. Конечно, только м-р Ш.Холмс мог бы заметить разницу – но в этом и нет нужды. А вот окурков не было. Полускомканый листок белой простыней накрывал черно-серые груды – и потому здесь было уже светло, хотя и не видно ничего, что снаружи. Тем же почерком написанные двенадцать строк заканчивались одинаковыми слогами. Строчки смотрели вовнутрь, лирически подсинивая сонную белизну пепельно-простынной ауры. А поверх листа были раскиданы бледно-желтые надломанные бревнышки с несожженными коричневыми головками. С оборота тоже было что-то написано – изогнувшийся край листа отражал в настольном зеркале завершение фразы, написанной уже другим почерком. выше – висела люстра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.